

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 2 – 1 (470)
DOI 10.35231/18186653_2022_3_126

Описание религиозных аспектов «параллельных» обществ в российском исследовательском дискурсе*

М. Ю. Смирнов

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Институт Африки Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация*

Введение. В статье рассматривается понятийный аппарат научных исследований феномена «параллельных» обществ применительно к изучению их религиозных аспектов современным религиоведением.

Содержание. Автор ставит и решает следующие исследовательские задачи. Во-первых, это «инвентаризация наличного арсенала» – обзор терминологического аппарата описания феномена «параллельных» обществ, применяемого в зарубежной и российской научной литературе. Во-вторых, это анализ смыслового содержания понятий российского научного дискурса, относящихся к теме «параллельных» обществ и смежной проблематике. В-третьих, анализ возможности формирования системы концептуально связанных понятий для адекватного описания феномена «параллельных» обществ на основе научного аппарата религиоведения и научного аппарата других социально-гуманитарных наук. В-четвертых, определение согласованных смыслов понятийного аппарата разных направлений социогуманитарных наук для обозначения различных модусов и аспектов религиозного фактора в «параллельных» обществах.

Выводы. Тема религиозного фактора в «параллельных» обществах является предметным полем для повышения религиоведческой компетентности политических и правовых институтов, её разработка усиливает практическую сторону религиоведения, которое нуждается в постоянном обновлении понятийного аппарата.

Ключевые слова: «параллельные» общества, религиоведение, научный лексикон исследований, религиозные меньшинства, государственная политика.

Для цитирования: Смирнов М. Ю. Описание религиозных аспектов «параллельных» обществ в российском исследовательском дискурсе / М. Ю. Смирнов // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2022. – № 3. – С. 126–139. DOI 10.35231/18186653_2022_3_126

* Подготовлено при поддержке РФФ, проект № 19-18-00054-П «Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен «параллельных» обществ в системе международно-политических отношений».

© Смирнов М. Ю., 2022

Description of religious aspects of “parallel” societies in the Russian research discourse

Mikhail Yu. Smirnov

*Pushkin Leningrad State University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation;
Russian Academy of Sciences Institute of Africa,
Moskva, Russian Federation*

Introduction. The article examines the conceptual apparatus of the phenomenon of “parallel” society’s scientific research in relation to the study of their religious aspects

Content. The author sets and solves the following research tasks. Firstly, it is the “inventory of the available arsenal” – an overview of the terminological apparatus for describing the phenomenon of “parallel” societies used in foreign and Russian research literature. Secondly, it is an analysis of the semantic content of the Russian scientific discourse concepts related to the “parallel” societies topic and related issues. Thirdly, the analysis of the possibility of forming a system of conceptually related concepts for an adequate description of the “parallel” societies phenomenon based on the research apparatus of religious studies and the research apparatus of other social and humanitarian sciences. Fourth, the definition of the agreed meanings of the different directions of socio-humanitarian sciences conceptual apparatus to designate different modes and aspects of the religious factor in “parallel” societies.

Conclusions. The topic of the religious factor in “parallel” societies is a subject field for improving the religious competence of political and legal institutions, its development strengthens the practical side of religious studies, which needs constant updating of the conceptual apparatus.

Key words: “parallel” societies, religious studies, scientific lexicon of research, religious minorities, public policy.

For citation: Smirnov, M. Yu. (2022). Opisanie religioznykh aspektov “parallel'nykh” obshchestv v rossijskom issledovatel'skom diskurse [Description of religious aspects of “parallel” societies in the Russian research discourse]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No 3. pp. 126–139. (In Russian). DOI 10.35231/18186653_2022_3_126

Введение

Феномен «параллельных» обществ в современном социуме стал одним из проявлений трансформации социокультурной реальности, прежде всего – в странах с высокоразвитой экономикой и обеспеченной богатыми ресурсами социальной инфраструктурой. Данный феномен был подробно рассмотрен в недавней коллективной монографии «Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен "параллельных" обществ в системе международно-политических отношений» (2021) [17], представившей итоги трёхлетнего исследования, проведённого научным коллективом, объединившим ряд учёных из российских университетов и академических учреждений.

Этот феномен вызван широкомасштабной миграцией в развитые страны носителей этнокультурных, религиозных и социально-бытовых паттернов поведения, существенно различающихся с паттернами основного населения стран пребывания. Во многих европейских государствах за период последней четверти XX – первой четверти XXI веков образовалась обширная мигрантская среда в формате этнических сообществ, с соответствующей религиозной идентичностью их участников. К настоящему времени произошла социальная самоорганизация этих сообществ, которая формирует уклад правил поведения, расходящийся, вплоть до конфронтации, с юридическими и повседневными нормами жизни основного населения принимающих стран – т. е. существующий как бы в параллельном режиме.

Можно говорить о качественно новой ситуации, сложившейся в сфере отношения европейских государств к мигрантам. В прежние времена, вплоть до последней четверти XX века, преобладала, условно говоря, ассимиляционная модель этих отношений. Мигранты в принимающих странах интегрировались в местный образ жизни для более полной адаптации к нему, чтобы стать частью населения и именно в этом качестве иметь доступ к социальным возможностям большинства [4]. При этом этнокультурные и религиозные черты мигрантских меньшинств не утрачивались, но их проявления были локализованы в домашне-семейном масштабе, за пределами которого они выступали чаще всего как экзотическое дополнение культурного массива основного населения. Сложившиеся в принимающих государствах иноэтнические мигрантские общины в целом поддавались ассимиляционной политике этих государств, что обеспечивало взаимоприемлемый режим сосуществования.

Потребность в трудовых ресурсах европейских государств с развитыми экономиками, но снижающимся уровнем рождаемости и старением автохтонного населения, открыла дорогу притоку больших масс мигрантов, особенно из регионов с политической нестабильностью, социальными, этническими и религиозными конфликтами. В идеологическом плане благоприятной для принятия мигрантов стала стратегия мультикультурализма, порожденная той версией демократического общества, которая возобладала с образованием Европейского союза (ЕС) [1]. В результате в странах ЕС стал нарастать сегмент мигрантских сообществ, которые не были мотивированы к интеграции в нормативность принимающих государств [11]. Этнические стереотипы поведения и религиозная идентичность этого разрастающегося сегмента стали основанием для построения новой, «параллельной» модели их существования, зачастую влекущей конфронтацию с государством и основным населением. Одним из факторов конфронтационных отношений стала религиозная идентичность вновь прибывающих мигрантов, традиции которой противопоставляются сложившемуся секулярному формату существования религии в светских государствах Европы.

В Российской Федерации аналоги указанных процессов также имеют место, ряд общих с другими развитыми странами тенденций вполне просматривается. Но требуется уточнение.

Советский опыт миграционной политики был основан почти исключительно на регулировании так называемой внутренней миграции – перемещении и концентрации трудовых ресурсов из разных регионов единого государства, включая этнически определяемые «союзные» республиканские образования, для решения задач социально-экономического развития. Идеологически это было основано стратегией формирования новой исторической общности людей – советского народа. Эта общность могла сохранять национальное и культурное разнообразие своего состава, но содержание её определялось как социальное единство на общей социалистической основе. Поэтому те специфические черты различных слоёв населения, которые расходились с задачами магистральной стратегии, либо насильственно стирались (репрессии в адрес любой социальной оппозиционности, массовые внутренние депортации), либо подвергались планомерной маргинализации (форсированная секуляризация сознания и поведения религиозной части населения). Любые меньшинства, за которыми по разным причинам признавалась возможность компактного проживания (скажем, малочислен-

[130] ные коренные народы Севера или Дальнего Востока), не являлись в строгом смысле «параллельными», поскольку существовали в общем режиме политического, правового и социально-экономического уклада Советского государства.

В постсоветский период режим государственного регулирования внутренней миграции заметно снизился. На смену концентрации приезжих контингентов на малоосвоенных территориях для воплощения индустриальных проектов пришло пополнение населения мегаполисов с развитой инфраструктурой, где повышаются шансы на трудоустройство, что немаловажно в стране с разбалансированной экономикой.

Новым явлением стала миграция из стран ближнего зарубежья, прежде входивших в состав Советского Союза. Первоначальной тенденцией в этом явлении было стремление к оседлости мигрантов, с локализацией этнических общин по местам заселения и постепенным наращиванием их количественного состава за счёт прибывающих членов семей и родственников. Эта тенденция была явно чревата этнической анклавизацией, что само по себе формировало потенциал конфликтности с местным населением. Однако первые «волны» такой миграции составляли выходцы из национальных республик, ещё сохранявшие элементы прежней, советской идентичности – часть из них могла находить относительно бесконфликтные способы адаптации к российским условиям. К тому же, значительные потоки трудовых мигрантов прибывали из Беларуси и Украины, население которых по укладу жизни и ментальным установкам мало отличалось от российского.

Ситуация стала меняться со сменой поколений в странах ближнего зарубежья. Мигранты молодых возрастов уже не имеют «советской памяти», плохо знают русский язык и, оказываясь в отрыве от исходной семейно-общинной среды, с трудом адаптируются к новым условиям обитания [2]. Именно среди этих контингентов обнаруживается тяга к консолидации «параллельного» типа, к образованию своего рода субкультурных сообществ. Проявляет себя здесь и религиозный фактор – общая конфессиональная идентичность приезжих способствует их удержанию в замкнутых рамках образующихся сообществ, со своими традициями и стереотипами поведения.

Формирование более строгой государственной миграционной политики [8] привело к ослаблению названной тенденции, хотя бы частичному переводу её в режим так называемой маятниковой ми-

грации, когда наращивание мигрантской среды замещается ротацией её состава. Это, однако, не снижает возможной «параллельности» мигрантских сообществ – по крайней мере, во внутреннем образе жизни, в следовании своим традициям и подчинении авторитетным лидерам диаспоры. Замечу, кстати, что официальные представители этнических диаспор в России, руководство землячеств и религиозных организаций (к которым могут принадлежать мигранты) далеко не всегда имеет влияние на мигрантскую среду – нередко авторитетом обладают неформальные лидеры, оппозиционно настроенные к порядкам в российском государстве и обществе.

Неоднозначность последствий, возможных при демографических и этнорелигиозных изменениях в России, требует точного понимания динамики и направленности происходящих изменений. Для этого чрезвычайно актуальной является выработка адекватного научного языка описания как процессов в целом, так и конкретных их проявлений. Специальное внимание следует уделить религиозной составляющей рассматриваемых процессов.

Содержание исследования

В мигрантской религиозной среде России возникают разнообразные меньшинства и субкультурные сообщества, «параллельные» существующим в стране исторически сложившимся религиозным объединениям, имеющим государственную регистрацию и действующим в правовом поле Российской Федерации. Для реакции на этот феномен применяются практики различных, не всегда скоординированных между собой, инстанций – преимущественно не исследовательских, а надзирающих. В результате, имеет место расхождение юридической и научной (религиоведческой) квалификации объекта внимания. Достаточно, например, сослаться на непрекращающиеся дискуссии вокруг понятия «секта», когда сталкиваются его конфессиональное значение, объективистское религиоведческое объяснение и попытки стигматизирующе определить его языком репрессивных правовых норм¹.

В дискурсе российского религиоведения (и шире – всего корпуса наук, так или иначе изучающих религии) тема «параллельных» религиозных новообразований пока остаётся на периферии научного внимания. Тем самым предоставляется свободное пространство

¹ Лункин Р. Н. Два кривых зеркала. В России сильно ругают либо «сектантов», либо за употребление слова «сектанты» // Портал-Credo.ru. 2006. 25 декабря. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=fresh&id=542> (дата обращения: 25.12.2021).

[132] для различных научнообразных упражнений на эту тему от лица политических публицистов или «независимых исследователей»¹.

В определённой степени языки описания разных наук, применённые к одному и тому же объекту, подобны пересекающимся множествам. В них есть и общие понятия (хотя и употребляемые с разными коннотациями), и специфическая терминология конкретного научного направления [10]. По этой причине целостное адекватное представление о феномене «параллельных» обществ оказывается затруднено. Возникают проблемы неполного или искажённого понимания при обсуждении темы на научных площадках.

Еще более сложные ситуации возможны в сфере правового регулирования. Поскольку феномен «параллельных» обществ вполне возможен и в российском государстве, потребность в точных определениях, обоснованных как со стороны действующего законодательства, так и со стороны религиоведения, имеет не только научный смысл, но и юридическую необходимость [13].

Идеальная модель – построение единого научного (понятийно-категориального) языка описания феномена «параллельных» обществ – должна быть целеуказующим ориентиром. Однако реальность такой модели вряд ли возможна. Поэтому научная разработка указанной проблематики состоит в формировании приёмов взаимной конвертации базовых смыслов, применяемых в различных исследовательских направлениях (прежде всего – в религиоведении, политических и юридических науках).

Можно обозначить несколько существенных задач, решение которых будет служить достижению этой цели. Во-первых, это «инвентаризация наличного арсенала» – обзор терминологического аппарата описания феномена «параллельных» обществ, применяемого: (1) в зарубежной литературе, (2) в отечественной литературе. Во-вторых, это анализ смыслового содержания понятий российского научного дискурса, относящихся к теме «параллельных» обществ и смежной проблематике. В-третьих, формирование системы концептуально связанных понятий для адекватного описания феноме-

¹ См.: Николаева О. Соцсеть Gab. Американское большинство начало строить параллельное общество? // ИА Красная Весна [Электронный ресурс]. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/a00dbb3d> (дата обращения: 20.06.2022); Кургинян С. «Параллельное общество» формируется как противовес глобализации [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3427513.html> (дата обращения: 20.06.2022) – рассуждение по поводу западной сетевой модели «параллельного общества» Gab, где «не будет места обязательной вакцинации, критической расовой теории и ЛГБТ-пропаганды».

Также см.: Цветков А. (Serg Mihalych). Параллельные общества. Две тысячи лет добровольных сепараций – от секты ессеев до анархистских сквотов (2011) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=236903&p=1> (дата обращения: 20.06.2022) – рассуждение «о религиозных и светских попытках здесь-и-сейчас построить идеальную общину, "параллельную" Обществу», как о примерах альтернативного «живого социального творчества».

на «параллельных» обществ на основе научного аппарата религиоведения и научного аппарата других социально-гуманитарных наук. В-четвертых, определение согласованных смыслов понятийного аппарата для обозначения различных модусов и аспектов религиозного фактора в «параллельных» обществах.

Что касается *первой задачи*, то надо отметить следующее. Термин *Parallelgesellschaft* (англ. *parallel society/community*) получил исследовательское применение с 1990-х гг. после публикаций немецкого социолога Вильгельма Хейтмейера; однозначная трактовка этого термина до сих пор не сложилась, однако он принят в современном лексиконе научной аналитики [5; 9].

Религиозный аспект явлений, стоящих за этим термином, в зарубежной англоязычной литературе (наибольший массив исследований) описывается множественным понятийным рядом: *multitude of beliefs, multiple religious identities (multiple constructions of religious identities; multiple religious belongings), religious diversity, inner plurality of religions, distinction between dominating and minority traditions, religious communities, religious minority group, conversion, everyday religion* – и ещё немало обозначений, фиксирующих разные оттенки в изучаемом предметном поле, но сходных в нейтральной тональности выражения, т. е. избегающих нормативной оценочности. Ключевой для этого понятийного ряда является проблема концептуализации – как фиксируемых многообразных состояний современной религиозности, так и религиозных аспектов феномена «параллельных» обществ.

Отечественные исследователи используют зарубежный понятийный аппарат в непосредственном переводе или калькируя термины из зарубежной литературы [9]. Поскольку часть терминологии не является специфической только для зарубежных исследований, а носит общеупотребительный характер, то нет особого смысла специально вычленять, скажем, «западные» фразеологизмы, адаптированные в российской научной лексике. Чаще всего в российских научных публикациях употребляются понятия: *сегментированное общество, принимающее сообщество, инокультурные мигранты, этнические колонии, этнорелигиозные (этноконфессиональные) общины, религиозные меньшинства, этническое и религиозное многообразие (разнообразие), религиозный плюрализм, религиозная конверсия, прозелитизм и ряд других* – в их констатирующем, безоценочном звучании [14].

|134|

Однако особенностью российского дискурса является интерполяция в научный язык официальной терминологии, кодифицированной на уровне государственных документов, которая выражает политические и идеологические приоритеты и носит по сути директивный характер. Так, в последнем варианте (2021) «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» введены понятия, характеризующие угрозы и неприемлемые явления: *межнациональные и межконфессиональные конфликты, насаждение чуждых идеалов и ценностей, протестное движение, деструктивные силы внутри страны, незаконная миграция, социальная и этнокультурная изолированность отдельных групп граждан, маргинальные группы, этнические и религиозные анклав, религиозная нетерпимость, религиозный радикализм, деструктивные религиозные течения*. Этому ряду противопоставлено базовое понятие «традиционные российские духовно-нравственные ценности», что подразумевает единую ценностную систему у всего населения Российской Федерации, как основу российского общества. Укрепляющие эту основу факторы обозначены следующим понятийным рядом: *гражданское единство, общероссийская гражданская идентичность, межнациональное и межконфессиональное согласие, социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов, религиозные устои*. Среди мер по защите единой системы ценностей указывается «поддержка религиозных организаций традиционных конфессий, обеспечение их участия в деятельности, направленной на сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, гармонизацию российского общества, распространение культуры межконфессионального диалога, противодействие экстремизму»¹. Очевидно, что любые признаки какой-либо «параллельности» однозначно расцениваются как угрозы, требующие активного противостояния на всех уровнях государства и общества.

Обращение ко второй задаче показывает, прежде всего, скудность современных отечественных научных трудов по проблеме «параллельных» обществ. В основном в публикациях российских авторов приводятся обзоры зарубежных трактовок [5], применяется терминология с произвольным смыслом, слабо фундированная отсылками к какой-либо традиции её научного употребления [3]. Упомянутое в начале статьи коллективное исследование 2017–

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения: 14.03.2022).

2021 г. [17] можно считать практически пионерским, пока единственным аналитическим и обобщающим трудом о феномене «параллельных» обществ в системе международно-политических отношений и роли религии в этом контексте. Труд был выполнен преимущественно на зарубежном материале, исследованном авторами, хотя в ряде глав и параграфов содержатся и компаративные ссылки на ситуацию в современной России.

Третья задача – наиболее сложная и трудноразрешимая в текущей отечественной научной ситуации, поскольку носит методологический характер, а именно методологическая диффузность, свойственная современному российскому социогуманитарному курсу, остаётся основным препятствием для выстраивания строгих объясняющих концепций [12]. Поэтому формирование системы концептуально связанных понятий для адекватного описания феномена «параллельных» обществ на основе научного аппарата религиоведения и научного аппарата других социально-гуманитарных наук пока видится перспективной задачей, подступы к решению которой ещё только определяются [15].

Решение *четвёртой задачи* упирается в терминологическую рыхлость, имеющую место в российском религиоведении. Однако здесь своего рода компенсатором (пусть и ситуативным) может выступать зарубежный исследовательский опыт, вполне доступный отечественным учёным [7, с. 122–131]. Проблема может крыться лишь в недостаточной осведомлённости о концептуальном языке современного мирового религиоведения.

Однако механический перенос концептов зарубежного происхождения в российский научный дискурс далеко не всегда может быть адекватен контексту и условиям проявлений исследуемого объекта в России. Простой перевод зарубежной терминологии чаще всего оборачивается: (1) утратой оригинального значения специфических коннотаций переводимого понятия; (2) введением в оборот русскоязычного эквивалента, который может содержать смысловое отличие от переводимого понятия в силу полисемантической применённых слов русского языка.

Для примера можно привести термин *vicarious religion*, введённый британским социологом религии Г. Дэйви [19, pp. 89, 128–130], который в русском переводе даётся и как «замещающая религия», и как «заместительная религия» – в обоих этих случаях русское звучание, в силу значения слов перевода в русском языке, не передаёт точного смысла термина [18, с. 90, 144–146].

[136]

Терминологические заимствования представляются уместными лишь в тех случаях, когда в российской ситуации нет прямых аналогов явлениям, описанным зарубежной научной терминологией (из приведённого выше примера следует, что наиболее уместным будет применение термина «викарная религия», либо использование термина *vicarious religion* без перевода, при этом со ссылкой на оригинальный источник и обязательным разъяснением исходного смысла). При наличии в религиозной жизни России аналогов зарубежным ситуациям более точным будет употребление понятий на основе русского языка [16, с. 247–253].

Выводы

Подводя итог приведённому выше краткому обзору, при всей сложности рассмотренной ситуации, следует полагать, что потенциал отечественной научной аналитики феномена «параллельных» обществ существенно превосходит узкие рамки, определяемые охранительными клише официально-документальных актов (для которых этот феномен как бы не существует или же его условные аналоги подразумеваются как исключительно негативное явление).

Перемены в социокультурных отношениях, возникающих при трансформационных процессах в современном мире и в Российской Федерации, ставят перед острой проблемой адекватности правовых установлений и научных трактовок меняющейся реальности.

Для автора очевидно, что понятийный аппарат официальной лексики и законодательных норм должен быть ориентирован на знания о религиозной жизни общества, получаемые научно-исследовательским путём, т. е. на непредвзятые и объективные представления. В то же время, религиоведческий дискурс, включая любые исследования, развертывается в конкретных обстоятельствах политики и социальной жизни. Поэтому религиоведению необходима корректировка академических штудий путём освоения практических ситуаций, возникающих в связи и по поводу действующих в стране религиозных объединений – независимо от того, признаны они или не признаны, имеют официальный статус или «параллельный».

Тема «параллельных» обществ и роли религиозного фактора в этой среде как раз является, с одной стороны, предметным полем для повышения религиоведческой компетентности политических и правовых институтов – через учёт научных результатов исследователей религии; а с другой стороны, ресурсом для усиления прак-

тической составляющей религиоведения, которое нуждается в постоянном обновлении понятийного аппарата, соответствующего динамике религии в России и за рубежом.

Список литературы

1. Андреюшкина Т. Н., Сибирцева В. Г. Мультикультурализм или интеркультурализм? Опыт Австрии, России, Европы. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2013. – 255 с.
2. Арутюнова Е. М., Кузнецов И. М. Мигранты и принимающее сообщество: сходства и различия интеграционного потенциала (на примере Республики Саха – Якутия) // Вестник Института социологии РАН. – 2021. – Т. 12. – № 2. – С. 83–100.
3. Гасанов А. М. Параллельные сообщества и СМИ // Меди@льманах. – 2007. – № 1 (18). – С. 1–2.
4. Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма / отв. ред. И. П. Чапенко, И. В. Гришин. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 233 с.
5. Иудин А. А., Шпилев Д. А. Дискуссии о понятии параллельное общество. Роль этнических колоний в процессе интеграции иммигрантов // Иудин А. А., Шпилев Д. А. Современная немецкая социология (Обзор). Демографическая политика ФРГ: иммигранты и молодежь. – Нижний Новгород: НИСОЦ, 2011. – С. 32–39.
6. Левикова С. И. Мультикультурализм как социальная проблема, или чем отличается «мультикультурализм» от «поликультурности» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – № 3 (88). – С. 37–41.
7. Мирошникова Е. М., Смирнов М. Ю. Трансформации религии в странах Европейского Союза как предмет академических исследований // Современная Европа. – 2019. – № 5. – С. 122–131.
8. Мухаметзянова-Дуггал Р. М., Кляшев А. Н. Религиозные меньшинства России: теоретико-правовой и социальный аспекты // Вестник Башкирского университета. – 2010. – Т. 15. – № 3. – С. 776–780.
9. Пронина Т. С. Феномен «параллельных обществ» и поворот к «мягкой» ассимиляции // Современная Европа. – 2021. – № 1. – С. 151–160.
10. Рязанова С. В. Категориальный аппарат религиоведения: границы, принципы, парадигмы // Антиномии: Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – Екатеринбург, 2013. – Т. 13. – Вып. 1. – С. 37–50.
11. Сахарова В. В. Мультикультурализм и политика интеграции иммигрантов: сравнительный анализ опыта ведущих стран Запада. – СПб.: Златоуст, 2011. – 176 с.
12. Смирнов М. Ю. Социокультурные проблемы современности и предметное поле религиоведения // Духовно-нравственные аспекты формирования гражданственности: коллективная монография / под общ. ред. А. А. Лисенковой, М. Г. Писманика, А. А. Субботиной. – Пермь: Пермский гос. институт культуры, 2021. – С. 213–221.
13. Смирнов М. Ю. Трактовка ценностей в официальных документах Российской Федерации как нормативный формат дискурса о религии // Социология религии в обществе Позднего Модерна. № 10: сборник статей по материалам междунар. науч. конф. / гл. ред. С. Д. Лебедев. – Белгород, 2021. – С. 142–150.
14. Смирнов М. Ю. «Прозелитизм» и «религиозная конверсия» в лексиконе научных исследований религии // XXVI Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 19–20 апр. 2022 г. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2022. – Т. I. – С. 91–95.
15. Совершенствование понятийного аппарата в сфере государственной культурной политики современной России: кол. моногр. / отв. ред. Е. В. Бахревский. – М.: Институт Наследия, 2020. – 117 с.
16. Стрункина, Е. С. Концепты «публичного» и «приватного» как инструмент исследования религий // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2016. – Т. 17 – № 4 – С. 247–253.
17. Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен

[138] «параллельных» обществ в системе международно-политических отношений: монография / науч. ред. Л. А. Андреева, И. В. Следзевский, М. Ю. Смирнов. – СПб.: Владимир Даль, 2021. – 549 с.

18. Энциклопедический словарь социологии религии / под ред. М. Ю. Смирнова. СПб.: Платоновское философское общество, 2017. – 508 с.

19. Davie G. The Sociology of religion: A critical agenda. 2nd ed. – London etc.: SAGE, 2013. – 304 p.

References

1. Andreyushkina, T. N., Sibirtseva V. G. (2013). *Mul'tikul'turalizm ili interkul'turalizm? Opyt Avstrii, Rossii, Evropy* [Multiculturalism or interculturalism? The experience of Austria, Russia, Europe]. Nizhny Novgorod: DEKOM, 255 p. (In Russian).

2. Arutyunova, E. M., Kuznetsov, I. M. (2021). Migranty i primimayushchee soobshchestvo: skhodstva i razlichiya integratsionnogo potentsiala (na primere Respubliki Sakha – Yakutiya) [Migrants and the host community: similarities and differences of integration potential (on the example of the Republic of Sakha – Yakutia)]. *Vestnik Instituta Sotsiologii RAN* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 12. No 2. pp. 83–100. (In Russian).

3. Gasanov, A. M. (2007). Parallelnye soobshchestva i SMI [Parallel communities and media]. *Medi@lmanakh*. Vol. 18. No 1. pp. 1–2. (In Russian).

4. Integratsiya inokul'turnykh migrantov: perspektivy interkul'turalizma (2018) [Integration of foreign cultural migrants: prospects of interculturalism] ed. by I. P. Tsapenko, I. V. Grishin. Moskva: IMEMO RAN. 233 p. (In Russian).

5. Iudin, A. A., Shpilev, D. A. (2011). Diskussii o ponyatii paralel'noe obshchestvo. Rol' etnicheskikh kolonij v protsesse integratsii immigrantov [Discussions about the parallel society concept. The ethnic colonies role in the integration of immigrants process] *Sovremennaya nemetskaya sotsiologiya (Obzor). Demograficheskaya politika FRG: immigranty i molodyezh* [Modern German sociology (Review). German demographic policy: immigrants and youth]. – Nizhny Novgorod: NISOTS. pp. 32–39. (In Russian).

6. Levikova, S. I. (2014). Mul'tikul'turalizm kak sotsial'naya problema, ili chem otlichaetsya "mul'tikul'turalizm" ot "polikul'turnosti"» [Multiculturalism as a social problem, or what is the difference between "multiculturalism" and "polyculturalism"] *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Volgograd State pedagogical university journal]. Vol. 88. No 3. pp. 37–41. (In Russian).

7. Miroshnikova, E. M., Smirnov, M. Yu. (2019). Transformatsii religii v stranakh Evropejskogo Soyuza kak predmet akademicheskikh issledovaniy [Transformations of religion in the European Union countries as a subject of academic research]. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe]. No. 5. pp. 122–131. (In Russian).

8. Mukhametzyanova-Duggal, R. M., Klyashev, A. N. (2010). Religioznye men'shinstva Rossii: teoretiko-pravovoj i sotsial'nyj aspekty [Religious minorities of Russia: theoretical, legal and social aspects]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University]. Vol. 15. No. 3. pp. 776–780. (In Russian).

9. Pronina, T. S. (2021) Fenomen "parallelnykh obshchestv" i povorot k "myagkoj" assimilyatsii [The "parallel societies" phenomenon and the turn to "soft" assimilation]. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe]. No 1. pp. 151–160. (In Russian).

10. Ryzanova, S. V. (2013). Kategorial'nyj apparat religiovedeniya: granitsy, printsipy, paradigmy [Categorical apparatus of religious studies: boundaries, principles, paradigms]. *Antinomii: Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava* [Antinomies: Scientific yearbook of the Institute of philosophy and law of the Ural branch of the Russian Academy of sciences]. Vol. 13. Iss. 1. pp. 37–50. (In Russian).

11. Sakharova, V. V. (2011). *Mul'tikul'turalizm i politika integratsii immigrantov: sravnitel'nyj analiz opyta vedushchikh stran Zapada* [Multiculturalism and the integration of immigrants policy: a comparative analysis of the leading Western countries experience]. Sankt-Peterburg: Zlatoust, 176 p. (In Russian).

12. Smirnov, M. Yu. (2021). Sotsiokul'turnye problemy sovremennosti i predmetnoe pole religiovedeniya [Sociocultural problems of modernity and the subject field of religious studies]. *Dukhovno-nravstvennye aspekty formirovaniya grazhdanstvennosti* [Spiritual and moral

aspects of the citizenship formation]. A. A. Lisenkova, M. G. Pismanik, A. A. Subbotina (eds.). Perm': PGIK, pp. 213–221. (In Russian).

13. Smirnov, M. Yu. (2021). Traktovka tsennostej v ofitsial'nykh dokumentakh Rossijskoj Federatsii kak normativnyj format diskursa o religii [Interpretation of values in Russian Federation official documents as a discourse on religion normative format]. *Sotsiologiya religii v obshchestve Pozdnego Moderna*. No. 10 [Sociology of Religion in Late Modern Society. No 10] ed. by S. D. Lebedev. Belgorod: BGU, pp. 142–150. (In Russian).

14. Smirnov, M. Yu. (2022). "Prozelitizm" i "religioznaya konversiya" v leksikone nauchnykh issledovanij religii ["Proselytism" and "religious conversion" in the scientific research on religion lexicon]. *XXVI Tsarskosel'skie chteniya: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii*. Sankt-Peterburg, 19–20 aprelya 2022 r. [XXVI Tsarskoye Selo readings: Proceedings of the international scientific conference, St. Petersburg, 19–20 Apr. 2022]. Sankt-Peterburg: Pushkin Leningrad state university. Vol. I. pp. 91–95. (In Russian).

15. Sovershenstvovanie ponyatijnogo apparata v sfere gosydarstvennoj kul'turnoj politiki sovremennoj Rossii (2020) [Improvement of the conceptual apparatus in the modern Russia state cultural policy sphere] ed. by E. V. Bakhrevskij. Moskva: Institut Naslediya [Heritage Institute]. 117 p.

16. Strunkina, E. S. (2016). Kontsepty "publichnogo" i "privatnogo" kak instrument issledovaniya religij [The concepts of "public" and "private" as a tool for the study of religions] *Vestnik Russkoj khristianskoj gumanitarnoj akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy] Vol. 17. No 4. pp. 247–253. (In Russian).

17. Transformatsii global'nogo konfessional'nogo geoprostranstva: fenomen "parallel'nykh" obshchestv v sisteme mezhdunarodno-politicheskikh otnoshenij (2021) [Global confessional geospatial space transformations: the phenomenon of "parallel" societies in the international political relations system] L. A. Andreeva, I. V. Sledzevskij, M. Yu. Smirnov (eds.). Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. 549 p. (In Russian).

18. Entsiklopedicheskij slovar' sotsiologii religii (2017) [Encyclopedic dictionary of sociology of religion] ed. by M. Yu. Smirnov. Sankt-Peterburg: Platonovskoe filosofskoe obshchestvo [Platonic philosophical society]. 508 p. (In Russian).

19. Davie, Grace (2007). *The Sociology of Religion. A critical agenda*. 2nd ed. London etc.: SAGE. 304 p.

Об авторе

Смирнов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор кафедры философии Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН; ORCID ID 0000-0002-1749-3003, e-mail: mirsnov@yandex.ru

About the author

Mikhail Yu. Smirnov, Dr. Sci (Sociol.), professor of the department of philosophy, Pushkin Leningrad State University, Sankt-Peterburg, Russian Federation; senior researcher at the Center for civilizational and regional studies, Russian Academy of Sciences Institute of Africa; ORCID ID 0000-0002-1749-3003, e-mail: mirsnov@yandex.ru

Поступила в редакцию: 24.06.2022

Received: 24 June 2022

Принята к публикации: 11.07.2022

Accepted: 11 July 2022

Опубликована: 30.09.2022

Published: 30 Sept. 2022